

JEL classification: N53, N93, R11
УДК 94(571)
DOI 10.17150/2308-2488.2023.24(4).525-542

Л.М. Дамешек
*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

Под сенью Двуглавого орла: об оценке экономической инкорпорации Сибири в Россию (XVIII — начало XX в.)

Аннотация. Целью данного исследования является анализ итогов государственной политики по инкорпорации Сибири в экономическое пространство Российской империи. Обращается внимание на то, что в Сибири административная политика предшествовала экономической. Подчеркивается значение переселения, роста товарности земледелия, золотодобычи, системы коммуникаций в реализации государственной политики. По итогам исследования, автор приходит к выводу, что к началу XX в. Сибирь имела относительно развитое сельское хозяйство, средний по уровню развития транспорт и весьма слабую промышленность.

Ключевые слова. Россия, Сибирь, административная политика, политика экономической инкорпорации.

Информация о статье. Дата поступления 26 сентября 2023 г.; дата принятия к печати 7 декабря 2023 г.; дата онлайн-размещения 19 декабря 2023 г.

L.M. Dameshek
*Baikal State University,
Irkutsk, the Russian Federation*

Under the Shadow of the Double-Headed Eagle: On the Assessment of the Economic Incorporation of Siberia in Russia (XVIII — Early XX Centuries)

Abstract. The government policy on the incorporation of Siberia into the economic space of the Russian Empire is analyzed, it is noted that administrative policy preceded economic policy in Siberia, the importance of resettlement, the marketability growth of agriculture, gold mining, communication systems is noted, it is emphasized that by the early XX century. Siberia had a relatively developed agriculture, medium-level transport and a very weak industry.

Keywords. Russia, Siberia, administrative policy, policy of economic incorporation.

Article info. Received September 26, 2023; accepted December 7, 2023; available online December 19, 2023.

Одной из важных геополитических особенностей России во всех периодах ее истории был фактор огромности. Общая площадь империи, составляющая к началу XX в. около 22 млн квадратных километров, Уральскими горами незримо делилась на две составляющие части государства — Европейскую и Азиатскую Россию, существенно отличавшиеся друг от друга географическими и природно-климатическими условиями, этническим составом и конфессиональной принадлежностью населения, инфраструктурой, удаленностью от границ и центра страны и т.д. Между тем присоединение Сибири к России является, бесспорно, одним из выдающихся событий отечественной истории XVII в. Именно с Сибирью Россия стала тем огромным пространством, которое называется Евразией [1, с. 44]. В дальнейшем взаимоотношения центра и вновь присоединенных восточных территорий в немалой степени определялись характером присоединения этих земель к России. Продвигаясь на Восток, русское государство решало двуетадную задачу: с одной стороны, расширение территории несомненно способствовало упрочению границ на восточном побережье. С другой — Сибирь манила к себе и своими немалыми естественными ресурсами — пушниной,

солью, рыбой, драгоценными металлами. Но если для московских, а затем и петербургских Романовых Европейская часть — а это всего лишь 20 % территории страны — была как бы прародиной, «отчиной», то Сибирь и в начале XIX в. осталась малоизвестной окраиной, которую еще только предстояло инкорпорировать в экономическое, административное и социокультурное пространство империи. Такой подход был основан на признании экономической зависимости окраин от Европейского центра, в котором, по меткому замечанию известного мемуариста XIX в. Ф.Ф. Вигеля, всегда смотрели на Сибирь, как богатая барыня смотрит «на дальнее поместье, случайно ей доставшееся...». Задача поместья заключалась прежде всего в том, чтобы исправно платить «оброк золотом, серебром, железом, мехами», а состояние самого поместья мало беспокоило госпожу. По мнению Вигеля, из Сибири и так все придет само собой, а потому не следовало о ней слишком заботиться [2, с. 191]. Это косвенное признание неоднородности империи явственно выдвигает перед историками требование дифференцированного подхода к изучению и оценке окраинной политики империи, ее многофакторности и многоплановости, которая в последнее время все чаще характеризуется исследователями как политика «имперского регионализма» [3].

Особенностью государственного строительства России являлось постоянное преобладание административно-политических целей над экономическими. Россия как империя постоянно расширялась, включая в свое государственное пространство все новые территории и народы, различные по многим социально-экономическим и социокультурным параметрам. За решением первоначальных военно-политических задач имперской политики неизбежно следовали задачи административного обустройства и последовательной интеграции региона в имперское простран-

ство. Именно территория привязывала к государству человека, а не идея гражданства, как в эпоху национальных государств. Кроме административных и судебных институтов, во властном освоении и присвоении пространства огромную роль играли единая денежная система (не случайно фальшивомонетничество считалось государственным преступлением), коммуникации, налоги, государственный язык, Русская православная церковь, а также сознание верноподданничества русскому царю, который был верховным «хозяином» земли. Особенно это было актуально в Сибири и на Дальнем Востоке, где господствовала система государственной земельной собственности. Включая в свой состав новые территории на востоке, империя начинала их интеграцию именно с военно-административных и фискальных методов. Этот процесс имел длительную временную протяженность. Лишь после наступала эпоха экономической интеграции.

В ходе исторического развития России на ее огромном и многообразном географическом пространстве сложились большие территориальные общности (регионы), заметно выделявшиеся своей индивидуальностью, имевшие существенные отличия в социально-экономическом, социокультурном и этно-конфессиональном облике, что закреплялось определенной региональной идентификацией. Под регионом в данном случае понимается не политико-административный территориальный субъект управления и хозяйствования, а историко-географическое пространство, создаваемое не столько физическим ландшафтом, сколько временем и историей. Регион есть историко-географическое пространство, естественное образование, в рамках которого осуществляется хозяйственная и социокультурная деятельность территориально идентифицируемого населения. В то же время регион — это не только историко-географи-

ческая или политико-административная реальность, но и ментальная конструкция, с трудно определимыми и динамичными границами. Именно в этом смысле употребляется в данном исследовании понятие регион, т.е. Сибирь. Территориальные рамки статьи охватывают всю Сибирь, т.е. территории бывших Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей. Эти губернии и их население были тесно связаны между собой общностью социально-экономических и политических процессов в составе империи, социокультурными, религиозными и иными традициями. Именно в этих административно-территориальных границах реализовывалась имперская идеология и практика. Расширение империи на восток сопровождалось активной колонизационной политикой на вновь присоединенных землях. Россия как бы росла, крепла за счет этих территорий, а русское государственное ядро, по справедливому замечанию А.В. Ремнева, поглощало имперские окраины [4, с. 197].

Важная роль в этом процессе отводилась русским православным переселенцам, которые должны были не только «приохотить» местные народы к занятию земледелием, научить их строительству крепостей и городов, но прежде всего духовно сплотить империю, в том числе и при помощи православия. Вот почему переселенческая политика являлась важной составной частью колонизационного процесса. Задача хозяйственного освоения Сибири посредством переселений дополнялась и коррелировалась идеей интеграции окраин в единое экономическое и социокультурное пространство. Тем самым, по замыслу правительства, решалась стратегическая задача окраинной политики — усиления политического единства империи. В этом плане большая роль отводилась русскому крестьянину-земледельцу, который должен был не только духовно сплотить империю, но и научить сибир-

ского инородца строить дома, косить, пахать, но даже молиться, говорить и думать по-русски. Проблемы имперского и национального строительства тесно переплетались, и их решение было призвано обеспечить стабильность империи на перспективу. Именно такую задачу в колонизации Сибири видели современники, отстаивающие идею «поглощения» русским национальным ядром восточных окраин империи [5].

Перераспределение трудовых ресурсов между районами старого и нового заселения несомненно оказывало плодотворное влияние на хозяйственное освоение новых земель. Прежде всего, создавался широкий рынок рабочей силы, резко возрастал спрос на сельскохозяйственную продукцию, активизировались социокультурные процессы. Все это в период перехода от аграрного общества к индустриальному имело немаловажное влияние на характер развития экономики региона. Представляется также, что сам факт опережающих темпов роста сельского населения Сибири по сравнению с Европейской Россией свидетельствует о том, что темпы аграрной колонизации существенно опережали индустриальную.

Изучение экономического развития Сибири свидетельствует о том, что со времени присоединения ее к России и вплоть до начала XX в. основные отрасли производства — сельское хозяйство, промышленность, промыслы — развивались весьма однобоко, выступая в качестве поставщиков сырья для Европейского центра. Интересы последнего в лице императорского Кабинета, казны, помещиков и фабрикантов защищала экономическая стратегия правительства в регионе, находившая свое воплощение в финансовой, в том числе налоговой политике, во внешнеэкономической деятельности. Такой подход был основан на признании экономической зависимости окраин от Европейского центра. Именно такого рода воззрения определяли статус и место Сибири в составе империи. Небезынтересно отметить,

что Вигель в своих высказываниях довольно точно очертил ориентацию правительственных интересов в Сибири [2, с. 130]. Для московских, а затем и петербургских царей и императоров Сибирь на протяжении XVII и XVIII столетий оставалась неисчерпаемым поставщиком столь необходимой государству пушнины. После того, как соболь — наиболее ценный объект пушного промысла — был почти повсеместно выбит, на смену пушнине пришли драгоценные металлы.

Начавшаяся в середине XVIII в. сибирская золотодобыча к середине XIX в. выдвинула Россию в число ведущих золотодобывающих государств мира. Этот процесс шел весьма интенсивно. Если в 1831–1835 гг. из 378 пудов золота, добытого в России, доля Сибири составляла 45 пуд, или 11,9 %, то к 1856–1860 гг. эти показатели составляли уже соответственно 1 343 и 1 048 пуд. Иными словами, доля сибирской золотодобычи в масштабах государства составляла 78 %. Характерно, что основными районами добычи и выплавки цветных металлов были Алтайский и Нерчинский горные округа, принадлежащие императорскому Кабинету [6, с. 27]. Накануне отмены крепостного права на заводах этих округов выплавлялось свыше 95 % общероссийского производства серебра, свинца и меди. В пореформенный период в связи с отменой подневольного труда и примитивной технологией производство цветных металлов резко сократилось — свинца в 4 раза, меди — в 2 раза. Из горнодобывающей отрасли, получившей сравнительно быстрое развитие в начале XX в., следует отметить соледобывающую и каменноугольную, доля которых в общероссийском производстве составляла соответственно 12 и 14,5 %. Остальные отрасли горнодобывающей промышленности, например, добыча слюды, развивались слабо и неритмично. Примером этому является черная металлургия, не выдержавшая конкуренции с капиталистическим производством центра [7, с. 71, 119].

В конце XIX — начале XX в. из этой плоскости выходит обрабатывающая промышленность, особенно те ее отрасли, которые были связаны с обработкой местного сырья. В.А. Скубневский, внимательно изучавший данный процесс, пришел к обоснованному выводу о том, что «наиболее значительный отряд рабочих обрабатывающей промышленности был сосредоточен в пищевом и овчинно-шубном производствах». Сопоставляя показатели о числе занятых рабочих в обрабатывающей промышленности Сибири с «ведущими промышленными районами страны», историк характеризует их как «мизерное», но в то же время «вполне сопоставимое» с аналогичными показателями других окраин государства, например, Средней Азии, Кавказа, Закавказья, Дальнего Востока [8, с. 132]. Думается, что такое совпадение не случайно. Оно было порождено основными принципами экономической политики империи в отношении азиатских окраин государства, которое рассматривало эти территории как сырьевой придаток промышленно развитого центра. В качестве примера сошлемся на исследование З.Д. Кастельской, пришедшей к аналогичному выводу на основе изучения экономической политики империи на другой азиатской окраине — Туркестане. «Царизм, проникнув в Туркестан и захватив в свои руки все политические и экономические командные высоты, быстро превратил страну в аграрно-сырьевой придаток метрополии», — отмечает автор [9, с. 62]. Во второй половине XIX — начале XX в. с особой силой проявилась связь между переселением и уровнем развития сельскохозяйственного производства, основной отраслью которого становится земледелие. Хотя последнее по-прежнему сохраняло экстенсивный характер, тем не менее волна переселенцев стала мощным импульсом его развития. Переселенцы принесли в Сибирь собственную земледельческую культуру, новые приемы агротехники и массовое кустарное производство.

В.Г. Тюкавкин, И.А. Асалханов, Л.М. Горюшкин, авторы коллективных работ на основе изучения развития земледелия Сибири конца XIX — начала XX в. приходят к единодушному мнению о резком возрастании товарности земледелия в рассматриваемый период. Это выразилось в общем увеличении посевных площадей, преимущественном росте посевов пшеницы и овса, в частности. За период с 1901 по 1913 г. размер посевных площадей в Сибири вырос с 3,6 до 7,1 млн дес., т.е. почти на 170 % [10, с. 312]. Преимущественный рост посевов пшеницы за эти же годы составил от 1,4 до 3,5 млн десятин. Иными словами, в структуре посевных площадей около половины приходилось на пшеницу, что свидетельствовало о развитии товарного производства.

Рост посевных площадей приводил к увеличению валовых сборов зерна. В Акмолинской, Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях валовые сборы составили: в 1901–1905 гг. — 158 млн пуд, в 1906–1910 гг. — 204 млн пуд, в 1913 г. — 305 млн пуд. Увеличение валовых сборов пшеницы за соответствующие годы выразилось в следующих показателях — 64, 89, 148 млн пуд [10, с. 318]. Сибирский хлеб, особенно после завершения строительства Транссиба, буквально хлынул на российский рынок, что составило серьезную конкуренцию помещичьим хозяйствам Европейской России. Однако тарифная политика правительства, искусственное завышение цен на ввозимый в Европейскую Россию сибирский хлеб снижала конкурентоспособность последнего и, таким образом, сдерживала экспорт. Сохранение помещичьего землевладения в Европейской России накладывало существенный отпечаток на экономическую политику правительства в Сибири. Лишь в 1913 г. тарифный перелом был полностью отменен.

Тенденции, связанные с ростом товарности, происходили и в мясомолочном скотоводстве. Сибирское

маслоделие росло столь стремительно, что за короткий срок обогнало многие известные маслодельческие центры страны. В отличие от хлеба, ввоз масла на территорию Европейской России не облагался пошлинами. В результате прибыли от ввоза масла были столь значительными, что в Сибири началась «масляная лихорадка». Бурными темпами шел процесс перегруппировки стад, приобреталось оборудование для переработки молока, создавались частные и кооперативные маслодельческие заводы. За два неполных десятилетия XX в. экспорт масла из Сибири вырос до 4,5 млн пуд, что в стоимостном выражении составило 68 млн р. [11, с. 3–11]. В более ранней своей работе этот же автор приводит следующие показатели: с 1894 по 1907 г. выручка от экспорта масла поднялась с 4 тыс. до 44,5 млн р., рос и вывоз самого масла. За период с 1900 по 1907 г. он составил 16 и 48 тыс. тонн [12, с. 158–159]. Значительная часть масла шла на внешний рынок. Например, только в одном 1913 г. за границу было отправлено 4 448,7 тыс. пуд, или 74,1 % произведенного в Сибири масла [10, с. 318].

Отмеченные явления, связанные с развитием различных отраслей сибирской экономики, были невозможны без создания устойчивой системы коммуникаций, связывающей Сибирь с основными промышленными и финансовыми центрами империи. В этом смысле существенную роль сыграло установление почтовой и телеграфной связи региона с Европейской Россией. Первой по времени была установлена почтовая связь. Еще в 1800 г. Павел I учредил особый сибирский почтамт в Тобольске, а в 1804 г. в Иркутске открывается экспедиция почтовых сообщений. В 1830 г. в России были образованы почтовые округа, в том числе и сибирский. В 1862 г. решением правительства округ разделили на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский, а несколько позже, в 1880 г., постановлением начальника Главного управления почт

и телеграфов империи был образован Иркутский почтово-телеграфный округ, компетенция которого распространялась на все административные образования Восточной Сибири [13, с. 264–267]. Однако гораздо более значимым стало установление телеграфного сообщения Сибири с губерниями Европейской России. В 1863 г. была установлена телеграфная связь между Екатеринбургом и Омском, спустя два года телеграф появился в Томске, в следующем — в Иркутске, в 1866 г. телеграф связал Тюмень с Тобольском. Отмечая это событие, автор известной сибирской хроники И.В. Щеглов писал, что «ныне телеграфные сообщения имеются между многими городами Сибири» [14, с. 32]. Развитие средств связи оказывало несомненное влияние на темпы и масштабы инкорпорации Сибири в общероссийские экономические процессы. Тем не менее увеличение товарности хозяйства и тесно связанный с ним рост оборотов внутренней и внешней торговли в большей степени определялись не развитием средств связи, а прежде всего путями сообщения. Не случайно в литературе вопроса отмечается, что «возможности и характер торговли в значительной степени определялись состоянием транспорта» [15, с. 147].

Главной экономической артерией, связывающей Сибирь с промышленно развитыми районами Европейской России, оставался Московский тракт. По нему шел основной поток грузов внутренней и внешней торговли. Однако скорость движения была невысокой — от 30 до 55 верст в день в зависимости от качества дороги. При слабой развитости гужевого транспорта стоимость перевозок зачастую превышала стоимость самого товара. Поэтому исключительно важным стало начало технического переворота на транспорте, связанного в первую очередь со строительством сети железных дорог в крае. Основным инвестором в данном случае выступала казна.

Первой из сибирских железных дорог стала Ека-
терино-Тюменская, сданная в эксплуатацию в 1885 г.
Однако в последующие годы строительство железных
дорог в Сибири велось очень быстрыми темпами. К
1913 г. в Азиатской России функционировали Амур-
ская, Уссурийская, Китайско-Восточная, Забайкаль-
ская, Сибирская, Алтайская и ряд других железных
дорог. В этом же году была сдана в эксплуатацию же-
лезнодорожная ветка Тюмень-Омск, проходившая по
густонаселенным уездам с развитым маслоделием и
излишками товарного хлеба, строились Алтайская,
Кальчугинская, Кулундинская и Минусинская желе-
зные дороги. Всего в 1915–1917 гг. на территории Си-
бири функционировали Омская (2 318 км), Томская
(1 815 км), Забайкальская (1 720 км) железные дороги,
принадлежащие казне и являющиеся составными ча-
стями Транссибирской железнодорожной магистра-
ли. Кроме того, четыре дороги принадлежали част-
ным акционерным обществам: Алтайская (750 км),
Кальчугинская (245 км), Минусинская (454 км). Эти
железные дороги соединяли важные экономические
районы с транссибирской магистралью. Таким обра-
зом, в первые 10 лет XX в. в Сибири было построено
около 6 000 км железных дорог, или около 700 км в год
и 45 крупных мостов через такие реки как Иртыш,
Обь, Енисей [16, с. 262].

Транссибирская магистраль прочно связывала Си-
бирь с центром страны. Она являлась основной арте-
рией, по которой в обоих направлениях непрерывно
перемещались потоки грузов. Стремительно расту-
щий водный транспорт уступал ей по грузообороту
и в основном обслуживал внутренние потребности.
К 1917 г. общее число транспортных рабочих Сибири
достигло 160 тыс. человек. Из этого числа железнодо-
рожники составляли 118,5 тыс., водники — примерно
40–45 тыс. человек [7, с. 148]. Рассмотрение основных
отраслей хозяйства позволяет заключить, что на про-

тяжении всего имперского периода место Сибири в экономике России оставалось неизменным как поставщика сырья. Правда, само понятие «сырье» менялось. Если на протяжении XVII и первой половины XVIII в. это была пушнина, то затем, в связи с истощением пушных запасов и открытием месторождений золота, именно оно стало основной статьей сибирского «экспорта» в Европейскую Россию. Во второй половине XIX и начале XX столетий на первое место по значимости выходит продукция сельского хозяйства — прежде всего это масло. Именно это аграрное сырье служило основным источником для работы местной перерабатывающей промышленности и основной статьей внутреннего вывоза и экспорта за границу. Правительственная политика, в том числе и в экономических вопросах, не только учитывала особенности хозяйственного развития региона, но в первую очередь отражала интересы императорского Кабинета, казны и связанных с ними общественных слоев. Не случайно в начале XX в. именно земельная рента, а не ясак и золото, становится основным источником финансовых поступлений от эксплуатации сибирских земель. Это находило отражение в налоговом законодательстве и практике его реализации.

Уровень развития региона и его место в экономике государства принято оценивать в цифрах. Поскольку в сибиреведческой литературе уже имеется такого рода анализ, основанный на весьма солидной источниковой базе и грамотной методологии подсчетов, отметим следующее: ко времени крушения монархии население Сибири составляло примерно 7 % от общей массы народонаселения империи. При этом Сибирь давала около шестой части валового производства хлеба и около 2 % стоимости промышленного производства. На долю Сибири приходилось 8,3 % длины железных дорог, 6,5 % числа перевозок, 5,5 % торговых заведений, 4 % наемных рабочих России. В

городах проживало 12 % населения. Таким образом, Сибирь имела относительно развитое сельское хозяйство, средний по уровню развития транспорт и весьма слабую промышленность [17, с. 5–7].

В конце XIX в., в связи с усилившейся интеграцией окраинных земель в общероссийское экономическое и политико-административное пространство, значение этнического и географического фактора во внутренней политике трансформируется. Стремление к экономической интеграции, которая стала рассматриваться как важнейший стимул к политической консолидации империи и изживанию национального сепаратизма, становится преобладающим. Это повлекло изменения в административной и социокультурной политике центра по отношению к периферии и, как следствие, разработку единого законодательства, исключаящего какие-либо местные особенности. Не случайно, что именно в это время появляется такое понятие как Азиатская Россия¹. Несмотря на определенный географизм, оно отражало те важные изменения, которые происходили во взаимоотношениях между модернизирующейся империей и обширным Зауральским краем во всех сферах — экономической, административной, социокультурной. Итогом этого стало превращение Сибири в часть России. Единство государственных учреждений с единым государственным языком и единой религией, развитие коммуникаций, распространение русской земледельческой колонизации, строительство Транссиба способствовали не только укреплению связей окраин и центра, но и дальнейшей интеграции восточных окраин в состав империи, «превращению» Сибири в Россию. Образование единого административно-правового, экономического и культурно-языкового пространства спо-

¹ Это понятие дало название серии авторских и коллективных монографий — «Россия Азиатская», опубликованных в 2002–2022 гг.

собствовало тому, что Россия как бы передвинулась за Урал. Однако удаленность от центра страны, сравнительно слабое развитие системы коммуникаций, пестрый национальный и конфессиональный состав населения, наличие сильной генерал-губернаторской власти, значительного отряда политических ссыльных предопределили ряд существенных особенностей развития политических событий в регионе в начале XX в., которые, по словам Н.А. Бердяева, были не столько началом новой жизни, сколько концом старой.

Список использованной литературы

1. Азиатская Россия / изд. под ближ. общ. рук. Г.В. Глинка ; [текст ред. И.И. Тхоржевским]. — Санкт-Петербург : Переселенч. упр. Гл. упр. землеустройства и земледелия, 1914. — Т. 1: Люди и порядки за Уралом. — VIII, 576, II с.
2. Вигель Ф.Ф. Записки / Ф.Ф. Вигель. — Москва : Захаров, 2000. — 591 с.
3. Дамешек Л.М. Избранное : в 3 т. / Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек. — 2-е изд. — Иркутск : Отгиск, 2018. — Т. 2: Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). — 416 с. — EDN OVAXUV.
4. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX — начала XX веков / А.В. Ремнев ; отв. ред. А.П. Толочко. — Омск : Изд-во ОмГУ, 1997. — 252 с.
5. Дамешек Л.М. Переселенческая политика как средство инкорпорации Сибири в Россию в эпоху империи XVIII — начала XX в. / Л.М. Дамешек. — DOI 10.17150/978-5-7253-3124-0.01. — EDN BTSLMN // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2023. — Иркутск, 2023. — С 7–14.
6. Хроленок С.Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917). Историко-экономический очерк / С.Ф. Хроленок. — Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. — 312 с.
7. Мухин А.А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма. (1861–1917 гг.) / А.А. Мухин. — Москва : Мысль, 1972. — 336 с.
8. Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. — февраль 1917 г.) / В.А. Скубневский ; под ред. Н.В. Блинова, А.П. Бородавкина. — Томск : Изд-во ТГУ, 1991. — 282 с. — EDN SWHBBZ.

9. Кастельская З.Д. Из истории Туркестанского края (1865–1917) / З.Д. Кастельская. — Москва : Наука, 1980. — 120 с.
10. История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. / гл. ред. А.П. Окладников, В.И. Шунков. — Ленинград : Наука, 1968. — Т. 3 : Сибирь в эпоху капитализма. — 530 с.
11. Горюшкин Л.М. Экономическое развитие Сибири в конце XIX — начале XX веков : докл., заслуш. на междунар. науч. конф. историков «Сибирь в XX в. Социал. и экон. развитие» (Великобритания, Глазго, 4–8 сент. 1989 г.) / Л.М. Горюшкин. — Новосибирск, 1989. — 24 с.
12. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX — начало XX / Л.М. Горюшкин ; отв. ред. И.М. Разгон. — Новосибирск : Наука, 1967. — 412 с.
13. Гольдфарб С. Иркутская почта : очерки истории / С. Гольдфарб. — Иркутск : КП-Байкал, 1998. — 270 с.
14. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири, 1032–1882 г. / сост. И.В. Щеглов. — Репринт. изд. — Сургут : Северный дом, 1993. — 463 с.
15. Очерки истории Алтайского края / Ю.Ф. Кирышин, А.С. Шемякина, Ю.С. Булыгин [и др.] ; ред. А.П. Бородавкин. — Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1987. — 446 с.
16. Винокуров М.А. Экономика Сибири, 1900–1928 / М.А. Винокуров, А.П. Суходолов. — Новосибирск : Изд-во Сиб. отд. РАН, 1996. — 320 с. — EDN TFINV D.
17. Зиновьев В.П. Рабочие Сибири 1907–1917 гг. / В.П. Зиновьев // Рабочие Сибири в период капитализма : [сб. ст.] / ред. Н.В. Блинов. — Томск, 1979. — С. 3–37.

References

1. Glinka G.V. (ed.). *Asian Russia*. Saint Petersburg, 1914. Vol. 1. 586 p.
2. Vigel F.F. *Notes*. Moscow, Zakharov Publ., 2000. 591 p.
3. Dameshek L.M., Dameshek I.L. *Selected Works*. 2nd ed. Irkutsk, Ottisk Publ., 2018. Vol. 2. 416 p. EDN: OVAXUV.
4. Remnev A.V.; Tolochko A.P. (ed.). *Autocracy and Siberia. Administrative Policy of the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries*. Omsk State University Publ., 1997. 252 p.
5. Dameshek L.M. The Resettlement Policy as a Means of Incorporation of Siberia into Russia in the Era of Empire of the XVIII — Early XX Centuries. *Irkutsk Historical and Economic Yearbook*: 2023. Irkutsk, 2023, pp. 7–14. (In Russian). EDN: BTSLMN. DOI: 10.17150/978-5-7253-3124-0.01.

6. Khrolenok S.F. *Gold Industry of Siberia (1832–1917). Historical and Economic Essay*. Irkutsk State University Publ., 1990. 312 p.

7. Mukhin A.A. *Workers of Siberia in the Era of Capitalism. (1861–1917)*. Moscow, Mysl Publ., 1972. 336 p.

8. Skubnevskii V.A.; Blinov N.V., Borodavkin A.P. (eds). *Workers in the Manufacturing Industry of Siberia (90s of the 19th Century – February 1917)*. Tomsk State University Publ., 1991. 282 p. EDN: SWHBBZ.

9. Kastelskaya Z.D. *From the History of Turkestan (1865–1917)*. Moscow, Nauka Publ., 1980. 123 p.

10. Okladnikov A. P., Shunkov V. I. (eds). *History of Siberia from the Ancient Times to Our Days*. Leningrad, Nauka Publ., 1968. Vol. 3. 530 p.

11. Goryushkin L.M. *Economic Development of Siberia at the End of the 19th – Beginning of the 20th Centuries*. Novosibirsk, 1989. 24 p.

12. Goryushkin L.M.; Razgion I.M. (ed.). *Siberian Peasantry at the Turn of Two Centuries. Late XIX – Early XX*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1967. 412 p.

13. Goldfarb S. *Irkutsk Post*. Irkutsk, KP-Baikal Publ., 1998. 270 p.

14. Shcheglov I.V. (ed.). *A Chronological List of Most Important Data from History of Siberia: 1032–1882*. Surgut, Severnyi dom Publ., 1993. 463 p.

15. Kiryushin Yu.F., Shemyakina A.S., Bulygin Yu.S. [et al.] ; Borodavkin A.P. (ed.). *Essays on the History of the Altai Region*. Barnaul, Altaiskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1987. 446 p.

16. Vinokurov M.A., Sukhodolov A.P. *Economics of Siberia, 1900–1928*. Novosibirsk, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996. 320 p.

17. Zinovev V.P. *Workers of Siberia 1907–1917*. In Blinov N.V. (ed.). *Workers of Siberia During the Period of Capitalism*. Tomsk, 1979, pp. 3–37. (In Russian).

Информация об авторе

Дамешек Лев Михайлович — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского центра Отечественной истории, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: levdameshkek@gmail.com. SPIN-код: 7745-8071; AuthorID РИНЦ: 104870.

Author

Lev M. Dameshek — D.Sc. in History, Professor, Director of the Research Center of National History, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: levdameshek@gmail.com. SPIN-Code: 7745-8071; AuthorID RSCI: 104870.

Для цитирования

Дамешек Л.М. Под сенью Двуглавого орла: об оценке экономической инкорпорации Сибири в Россию (XVIII — начало XX в.) / Л.М. Дамешек. — DOI 10.17150/2308-2488.2023.24(4).525-542 // Историко-экономические исследования. — 2023. — Т. 24, № 4. — С. 525–542.

For Citation

Dameshek L.M. Under the Shadow of the Double-Headed Eagle: On the Assessment of the Economic Incorporation of Siberia in Russia (XVIII — Early XX Centuries). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* = *Journal of Economic History & History of Economics*, 2023, vol. 24, no. 4, pp. 525–542. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-2488.2023.24(4).525-542.